

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ МОНГОЛИЯ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК II

БАРНАУЛ 2008

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М – 64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор исторических наук Л.Н. Ермоленко
доктор культурологи Л.С. Марсадолов
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик
кандидат педагогических наук Н. Цэдэв

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – 303 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN–978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/Г, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии») и Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, тема «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДИСЛОВИЕ	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	7
<i>А.Л. Кунгуров</i> Проблема сложения менталитета древнейших обществ Алтая	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах	11
<i>С. В. Сотникова</i> Опыт реконструкции Алакульских представлений о мире (по материалам могильника Ермак-IV).....	32
<i>А.А. Горячев</i> О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах	44
<i>Н.И. Рыбаков</i> «Солнце-луна» в петроглифах Июсских степей.....	60
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья	83
<i>Л.Н. Ермоленко</i> Об отзвуках героического эпоса в письменных памятниках, содержащих сведения о кочевых народах	101
<i>А.И. Тугутов</i> Гадание и традиционное мировоззрение монголов	115
<i>М.В. Егорочкин</i> Комплекс вооружения «Ай-Хуучин» (К вопросу исторической интерпритации эпических паноплий).....	124
<i>А.А. Курапов</i> Формирование и реализация социально-политической доктрины буддизма в отдельных национальных традициях.....	140
<i>С.А. Комиссаров</i> Соотношение мифологических систем Китая и Кореи	153

**II. ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ..... 158**

В.Е. Ларичев

Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии) 158

В.Е. Ларичев, С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева

Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратский Сундук)..... 182

Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников

Первые палеоастрономические исследования на святилище у горы
Монастыри на Западном Алтае 207

Ю.И. Ожередов

Сакральные сооружения в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн
Ховдского аймака Западной Монголии 219

М.А. Дэвлет

Каменная плита 01-00 из кургана Аржан-2 в контексте петроглифов Тувы... 233

**III. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 241**

Е.В. Нам

Представления о смерти в античной культурной традиции
и шаманском мировоззрении народов Сибири 241

В.М. Мендешева

Конь в традиционной культуре алтайцев..... 250

Б.Ю. Кичекова

Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде. 260

Э.В. Енчинов

Правовые обычаи связанные с беременностью в традиционном
мировоззрении алтайцев..... 271

Н.К. Смагулов

Факторы панисламизма и пантюркизма в контексте проведения
большевистским правительством внешней политики и территориального
размеживания среднеазиатских государств в 1917–1924 гг..... 277

Р.В. Шиженский

Иерархическое положение волхвов в структуре русских неоязыческих
организаций 288

П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

КЕНОТАФЫ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Погребально-поминальная обрядность включает в себя различные элементы и формы деятельности, которые обусловлены физико-географическими факторами, этнокультурными, социально-экономическими и мировоззренческими аспектами развития различных народов. Важнейшей составляющей такого ритуального цикла является процесс погребения умершего человека. В тоже время, при изучении религиозных систем различных народов исследователи столкнулись с таким явлением как кенотафы, т.е. когда все элементы погребального обряда соблюдены, но при этом отсутствуют останки погребенного, которые специально не помещались в погребальную камеру.

Среди исследователей сложилось два основных подхода к изучению обычая сооружения кенотафов. Одни учёные выделяют такие памятники на основании отсутствия в них костяков умерших людей, а другие – акцентируют внимание, главным образом, на причинах их появления. К настоящему времени накопилось значительное количество работ, в которых всесторонне рассматриваются как сами указанные объекты, так и причины, обуславливавшие их сооружение. Предпринимались попытки систематизации таких памятников применительно к разным периодам (Грязнов М.П., 1982; Грушин С.П., 1996; 1997; Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997; Шилов С.Н., Масложенко Д.Н., 2001, с.15-20; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Матренин С.С., 2005; Обельченко О.В., 2000; Васильев Ю.М., 2003; Серегин Н.Н., 2005; и др.).

Следует подчеркнуть, что в ряде случаев современным учёным приходится сталкиваться при изучении кенотафов не с их обрядовыми формами, а с так называемыми фиктивными сооружениями. Фиктивными кенотафами исследователи считают те, чьё появление обусловлено деятельностью людей, не направленной на их сооружение (оск-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/Г, «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии») и Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»).

вернение, ограбление, разрушение захоронений), или вследствие определённых условий погребения, когда останки человека вообще не сохраняются (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 25). В последнем случае факт наличия в древности в могиле тела умершего человека можно установить с помощью фосфатного анализа почвы (Авдусин Д.А., 1980, с. 133–134), однако такие определения, как правило, не приводятся (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 25).

Сооружение кенотафов относится к глубокой древности. Так, они обнаружены в Варнинском энеолитическом могильнике в Болгарии (Грязнов М.П., 1982, с. 99), в некрополях Древнего Египта эпохи Нового царства (XVI–XI вв. до н.э.), в Средней Азии, Древней Греции и Риме (Дашковский П.К., Грушин С.П., 1998). Эта традиция упоминается и в одном из литературных памятников древности – Одиссее (I, 278; IV, 584), датированного VIII в. до н.э. Кенотафы сооружали не только в древности и средневековье, но и в более поздние периоды, причем не только в обществах с традиционной культурой и мировоззрением. Так, в 1820 г. в окрестностях Кракова в честь польского национального героя Т. Костюшко, который умер в 1817 г. в Швейцарии возвели курган, а прах его позже был перенесен в Краковский замок Вавель (Обельченко О.В., 2000, с.173). В качестве продолжения традиции сооружения кенотафов можно рассматривать и воздвижениеobelisks погибшим войнам.

На территории Горного Алтая данный обычай, вероятно, существовал уже с раннескифского времени (кон. IX – нач. VI вв. до н.э.) (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003), т.е со времени сложения кочевых культур в Сибири и Центральной Азии. Однако наиболее полно указанная традиция получила свое развитие с пазырыкского периода – вт. тр. VI–II вв. до н.э. Такие памятники известны в синхронных культурах Центральной и Средней Азии (Грач А.Д., 1980, с. 77, Обельченко О.В., 2000; Литвинский Б.А., 1972, с.12, 14; и др.). Проведенное изучение кенотафов данного периода позволило выделить несколько типов объектов (Дашковский, Грушин, 1998, с. 51–52; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 266-270).

Первый тип условно назван «классическим» и характеризуется отсутствием костяка умершего в погребении при соблюдении всех остальных элементов погребального ритуала. К памятникам этого типа можно отнести следующие объекты: к. 7 м. Кош-Тал (Суразаков А.С., 1993), к. 2 м. Талдура–I и к. 3 м. Талдура–II (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, с. 103; 1983, с. 135), к. 4 м. Аргут–I (Сорокин С.С., 1969, с. 80), к. 13 м. Кайнду (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 257), к. 99 м. Боротал–I (Кубарев В.Д., 1976), к. 11 м. Тыткескень–VI (Ки-

рюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2004), к. 2 м. Уландрык–I и к. 11 м. Уландрык–II (Кубарев В.Д., 1987, с. 156, 173), к. 2 м. Коркечу (Кубарев, 1985, с. 133–135), к. 1, 20, 22, 25 м. Кызыл-Таш (Соёнов, Эбель, 1998, с. 88–89) и др.

Второй тип – полукенотаф (Кубарев В.Д., 1987, с. 30) выделен на основании наличия погребальных предметов (каменная подушка, инвентарь), рассчитанных на большее количество умерших человек, чем реально находилось в одном погребении. В данную группу можно включить к. 6 м. Уландрык–II, к. 6 м. Юстыд–I, к. 3 м. Юстыд–II, к. 18 м. Малталу–IV (Кубарев В.Д., 1987, с. 41; 1994, с. 177; 1992, с. 137), к. 1 м. Ак-Алаха–V (Полосьмак Н.В., 2001), к. 3 м. Покровский Лог–V (Гельмель, Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 110–111) и др.

Третий тип – поминальные кенотафы, характеризуется отсутствием могильной ямы и дополнительных конструктивных элементов (погребальной камеры) под насыпью кургана. Некоторые объекты с указанными признаками могут находиться в пределах курганной цепочки и иметь типичные для пазырыкских курганов поминальные выкладки с западной стороны и ряды балбалов – с восточной. Кенотафами такого типа, например, можно считать к. 24 м. Барбургазы–I (Кубарев В.Д., 1991, с. 130), к. 12 м. Кызыл-Джар–I и к. 4 м. Кызыл-Джар–III (Могильников, 1983а, с. 15; 1983б, с. 44), к. 6 м. Курту–V, к. 19 м. Курту–VI, к. 26, 29 м. Катонский и к. 4 м. Копай (Сорокин С.С., 1966, с. 47–48, 56–57), к. 20 м. Ханкаринский дол (раскопки П.К. Дашковского) и ряд других памятников.

Четвертый тип – символический кенотаф, по внешним признакам сходен с «классическим», но, в отличие от последнего, подобные памятники составляют единый комплекс с реальным погребением. Указанные захоронения содержат манекены воинов, сопровождающих лиц с более высоким социальным статусом в загробный мир (Грушин С.П., 1996, с. 21). Такой комплекс, в частности, обнаружен в долине среднего течения р. Катунь: женское погребение в к. 5 сопровождали два кенотафа в к. 4 и 6 м. Бике–I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 48–52, 88).

Надо отметить, что некоторые учёные не всегда обращают внимание на наличие такого типа кенотафов, как полукенотаф, признаками которого в погребении является дополнительный комплект предметов сопроводительного инвентаря, подушка и свободное пространство в погребальной камере. Соответственно, эта неполная информация попадает в публикации, в результате чего при отсутствии планов захоронений установить факт сооружения полукенотафа зачастую бывает очень сложно.

Большинство кенотафов вт. тр. VI–II вв. до н.э. зафиксированы на территории Юго-Восточного Алтая, т.е. в зоне наибольшего распространения памятников с «классическими» пазырыкскими чертами погребального обряда. Обнаружены они, но в гораздо меньшей степени, и на территории среднего и, частично, нижнего течения р. Катунь. Датируются кенотафы по сопроводительному инвентарю в целом V–II вв. до н.э., однако в большинстве случаев IV–III вв. до н.э. (Дашковский П.К., Грушин С.П., 1998, с. 52). Интересно отметить, что именно в этот период происходит трансформация южно-сибирских культур скифского типа, а также военные кампании Александра Македонского в Малую и Среднюю Азию, приведшие к большим перемещениям целых народов и отдельных племён после 330–320 гг. до н.э. (Савинов Д.Г., 1991, с. 94; Марсадолов Л.С., 1996, с. 73). Возможно, что процессы, протекавшие в азиатском регионе, отразились и на культуре номадов Алтая, которые могли участвовать в военных походах и столкновениях с различными этническими группами, что приводило к гибели многих воинов и, соответственно, к росту числа кенотафов. По нашим подсчётам, общее количество кенотафов V–II вв. до н.э., зафиксированных в Горном Алтае, составляет примерно 7–8% от числа всех исследованных погребений на этой территории. Последнее предположение подтверждается и тем, что большинство кенотафов возведены в честь погибших мужчин-воинов. Об этом, вероятно, можно судить по категориям вещей сопроводительного инвентаря, который примерно в 70–75% объектов характерен для мужских погребений. При этом практически во всех таких захоронениях зафиксированы определенные виды предметов вооружения.

Проведённый анализ (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003) основных элементов погребального обряда населения Горного Алтая пазырыкского времени показал, что по этим показателям кенотафы ничем не отличались от обычных погребений. Имеющееся разнообразие внутримогильных конструкций (сруб, рама, каменный ящик) и категорий инвентаря, отражают общие особенности культурно-исторического развития кочевников в это время. Очевидно, что за умершим человеком, в честь которого сооружался кенотаф, полностью сохранялся социальный статус и имущественное положение. Это дополнительно подтверждается наличием сопроводительных захоронений лошадей примерно в 28% памятников, относящихся к I, II и IV типу кенотафов. При этом обычно зафиксировано 1–3 особи животных в могиле, а в одном случае – в мужском полукенотафе в к. 1 м. Ак-Алаха–V находилось 6 коней (Полосьмак Н.В., 2001). Традиция сооружения скотоводами кенотафов I–III типов известна и на синхронных памятниках Тувы, Памира, Казахстана и Средней Азии (Грач А.Д., 1980, с. 76, 110;

Чугунов К.В., 1996, с. 69–80; Заднепровский Ю.А., 1992, с. 87; Обельченко О.В., 2000, с.171-173; и др.). Аналогии кенотафу IV типа можно найти в погребальных памятниках Китая эпохи Хань, в которых реальные люди, сопровождающие умершего человека в потусторонний мир, заменялись их изображениями (Кожанов С.Т., 1985, с. 112–119; и др.). Черты указанной традиции отмечены и в более позднее время, в I тыс. н.э., при исследовании памятников в долине Ферганы (Средняя Азия). При этом истоки обычая помещать в могилу антропоморфные изображения – символы «реальных» людей уходят в глубокую древность. Такие элементы погребального обряда известны по памятникам от эпохи неолита до бронзового века, исследованных в разных районах Европы и Азии (Брыкина Г.А., Трунаева Т.Н., 1995, с. 76-81; и др.).

Интересно также отметить, что изготовление различных кукол (манекенов, человеческих тел, являлось одной из характерных черт погребальных обрядов таштыкской культуры Минусинской котловины, что имело и соответствующее мировоззренческое обоснование (Киселёв С.В., 1951; Вадецкая Э.Б., 1985; 1990; 1999, с. 17–23; и др.). По мнению, Вл.А. Семёнова создание кукол, манекенов, несло ту же семантическую нагрузку, что и бальзамирование и мумификация. При этом имитация ритуального двойника свидетельствует об определённых формах сакрализации «человеческой личности, с подготовкой умершего для утверждения в мире предков-богов» (Семёнов В.А., 1994, с. 135–140). Вероятно, сходные мировоззренческие представления существовали и у кочевников Горного Алтая пазырыкского времени. Последнее обстоятельство было обусловлено особенностями образа жизни, мировоззрения и палеодемографическими процессами, что отчасти подтверждается исследованием вторичных погребений на Алтае, (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2005; и др.). Имеющиеся материалы позволили сделать вывод о том, что все вторичные захоронения были совершены через более или менее длительный промежуток времени после смерти, когда тело покойника частично или почти полностью разложилось. Наличие на костях искусственных повреждений, нанесенных острым инструментом, свидетельствует в пользу того, что тела умерших людей в той или иной мере препарировали. Вместе с тем предпринимались меры, чтобы костные останки покойника, полностью или частично утратившие анатомические сочленения вследствие естественного разложения мягких тканей или их препарации, не развалились и сохраняли антропоморфные очертания. В качестве искусственной оболочки, позволяющей сохранить «форму тела», могла использоваться одежда погребенного или специальное покрытие. Логическим

завершением этой тенденции представляется изготовление куклы-манекена на основе черепа и длинных костей конечностей покойника.

В следующий хунно-сарматский период (II в. до н.э. – V в. н.э.) традиция сооружения кенотафов сохраняется. Достаточно обстоятельно этот вопрос рассмотрен С.С. Матрениным (Матренин С.С., 2005а,б; Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007). Правда, в работах автора обнаруживаются небольшие арифметические неточности. Так, например, исследователь в одной своей статье указывает на существование 77 (12,1%) кенотафов булан-кобинской культуры. Однако, при соотношении данного типа объектов с тремя этапами культуры это число уменьшается до 73 (Матренин С.С., 2005б, с. 36–37). В тоже время, С.С. Матренин вполне оправдано попытался систематизировать кенотафы и в связи с этим распределил их по трем типам. Первый тип – «классический» кенотаф, полностью идентичен по своим характеристикам объектам предшествующего пазырыкского периода. «Классические» кенотафы составляли почти 60% от всей совокупности таких объектов булан-кобинской культуры и 7% от общего количества погребений (Матренин С.С., 2005б, с. 36). К числу таких памятников можно отнести к. 7, 13, 34 м. Булан-Кобы-IV (раскопки Ю.Т. Мамадакова), к. 250 м. Сары-Бел (Соенов В.И., 1999), к. 45, 55, 57а, 60а и др. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 489), к. 11 Верх-Уймон (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992) и др.

Второй тип – «поминальный» кенотаф, также известен с предшествующего периода. Доля таких сооружений составляет около 4% от всей массы захоронений и чуть более 30% от совокупности кенотафов (Матренин С.С., 2005б, с. 37). К кенотафам этого типа можно отнести к. №29 м. Бике-I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 82), к. 28 м. Булан-Кобы-IV (Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 178), к. № 46 м. Айрыдаш-I (Соенов В.И., 2003а, с.108) и др. Третий тип кенотафов – «миниатюрные», характеризуется сооружением погребальной камеры (могильная яма или ящик) не предназначенной по своим размерам для размещения взрослого человека. Данный тип встречается значительно реже и насчитывает по подсчетам исследователя пока восемь объектов, что составляет менее 1,5% от всей совокупности захоронений и 10,3% от количества кенотафов всех типов (Матренин С.С., 2005б, 37). Матренин С.С. особо отмечает «примерно одинаковую частоту встречаемости» кенотафов на всех этапах булан-кобинской культуры. Кроме того, следует отметить, что «булан-кобинское» общество было в такой же высокой степени милитаризировано, как и «пазырыкское». В обоих случаях не менее 70% мужчин могло быть вовлечено в военную деятельность (Дашковский П.К., 2005; Матренин С.С., 2005а, с. 21). В тоже время на территории Горного Алтая в булан-кобинское время заметно определен-

ное возрастание количества кенотафов до 12,1 % (Матренин С.С., 2005б, с. 36) по сравнению с предшествующим периодом (7-8%). Это обстоятельство может свидетельствовать об активном участии номадов в военных действиях не только на родной (клановой, племенной) земле, но и за ее пределами. Традиция сооружения кенотафов зафиксирована и в синхронных памятниках кокэльской культуры в Туве (Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966; Вайнштейн С.И., 1970). Общество «кокэльцев», как и «булан-кобинцев» было сильно милитаризировано, что подтверждается значительным количеством находок предметов вооружения и числом погребенных людей, умерших от различных ранений и травм (Дьяконова В.П., 2001; Савинов Д.Г., 2005; и др.).

В период существования на Алтае тюркской культуры (вт. п. V–XI вв.) у кочевников по-прежнему сохранялась традиция сооружения кенотафов, хотя и возникли некоторые особенности в ее реализации (Серегин Н.Н., 2005). Как и в предшествующее время, наиболее распространенным типом оставался «классический» кенотаф. В памятниках тюркской культуры на Алтае выявлено 14 таких объектов, что составляет немногим более 8% от всей совокупности погребений. В ходе раскопок таких кенотафов зафиксирована наибольшая степень схожести с погребальными комплексами. В первую очередь это относится к структуре наземных и подкурганых конструкций. В восьми случаях сопроводительное захоронение животного, помещенное в кенотаф, отделено от места предполагаемого погребения человека грунтовой, каменной перегородкой или рядом кольев. Погребальная камера в виде каменного ящика для отсутствовавшего покойного зафиксирована лишь однажды (Кубарев В.Д., 1985, рис. 7). Сопроводительное захоронение животного присутствует во всех «классических» кенотафах. Почти во всех случаях это одна лошадь, дважды отмечена пара животных и лишь однажды – три. Также в одном случае вместо лошади была положена овца (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 13). Ориентация сопроводительных захоронений животных, в целом, стандартна. Наиболее распространенным является западное, с отклонениями направление, однако присутствует и северная ориентация, которую представляется возможным рассматривать как самостоятельную традицию (Серегин Н.Н., 2006 а, с. 26). По всей видимости, обозначенные стороны света могли связываться с направлением пути в загробный мир (Нестеров С.П., 1990, с. 78–79).

Значительное сходство с «классическими» кенотафами имеют символические, хотя, безусловно, наблюдаются вариации некоторых признаков. В частности, при изучении «пустых могил» на памятнике Барбургазы-I на месте предполагаемого погребения человека зафиксиро-

ровано изделие, напоминающее куклу (Кубарев Г.В., 2005, с. 19). Аналогичный элемент погребального обряда выявлен и в тюркском кенотафе из могильника Монгун-Тайга в Туве (Грач А.Д., 1960б, с. 137, 141, рис. 83). Подобная традиция, как отмечено выше, существовала у кочевников уже в скифскую эпоху. Не исключено, что редкость обозначенных находок в кенотафах тюркской культуры объясняется плохой сохранностью органических материалов, из которых могла быть изготовлена кукла.

Еще один тип рассматриваемых объектов, которые близки по своим характеристикам к «классическим» – «парные» кенотафы. Специфика подобных сооружений заключается в том, что «пустая могила» предназначалась для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены дважды – при исследовании к. 22 м. Кудыргэ и к. 2 м. Узунтал-I (Гаврилова А.А., 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов Д.Г., 1982, рис. 2.-5; 1987). Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение предполагаемых погребенных. Наиболее ярко эта черта прослеживается в составе сопроводительного инвентаря последнего из указанных памятников, анализ которого позволил Д.Г. Савинову (1982, с. 120; 1987, с. 89) предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, а также его спутника. Следует обратить внимание и на то, что парные и коллективные захоронения не характерны для тюркской культуры. В качестве исключения можно назвать погребение женщины и ребенка (Гаврилова А.А., 1965, с. 22), а также некоторые объекты, раскопанные на территории Минусинской котловины (Поселянин А.И., Киргинцев Э.И., Тараканов В.В., 1999, рис. 6.-7, 12.-1).

Четвертый тип изучаемых сооружений тюркской культуры может быть условно обозначен как кенотаф с зависимым захоронением. Его отличительной особенностью является наличие так называемого подчиненного погребения наряду с отсутствием основного, принадлежащего человеку, имевшему при жизни более высокий социальный статус. Памятник с таким набором признаков исследован вместе с другими кенотафами на могильнике Боротал-I в Горном Алтае (Кубарев В.Д., 1985, рис. 4). Основаниями для отнесения умершего к зависимым слоям населения можно считать его нестандартную позу и ориентацию, а также отсутствие инвентаря (Кубарев Г.В., 2005, с. 17). Подобный ритуал отмечен и при изучении «стандартного» погребения тюркской культуры на могильнике Курай-IV (Киселев С.В., 1951, с. 535). Кроме

того, схожие признаки были выделены В.А. Ильинской (1966, с. 166–171) для захоронений «рабов» в скифских курганах.

Отдельно от обозначенных типов кенотафов тюркской культуры следует рассматривать курганы, под насыпями которых не встречено дополнительных конструкций. Подобные объекты в ряде случаев можно рассматривать как поминальные кенотафы (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 25; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 267; Матренин С.С., 2005б, с. 37). В тоже время, некоторые ученые интерпретируют такие объекты как курганы культового и специального назначения (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93; Могильников В.А., 1990, с. 145), ритуальные курганы (Илюшин А.М., 1990; Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н., 1992, с. 90) или кенотафы (Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б., 1980, с. 89; Могильников В.А. и др., 1992, с. 83; Кубарев Г.В. и др., 2007, с. 302). Культурная и хронологическая атрибуция таких памятников затрудняется тем, что они существовали на протяжении длительного периода времени, а также отсутствием инвентаря под большинством насыпей. В то же время, представляется возможным обозначить признаки, на основе которых хронология подобных объектов может быть установлена. Важным показателем является планиграфия «пустых» курганов, которые нередко расположены в группе «стандартных» памятников. Следует также обращать внимание на структуру насыпи и внекурганные объекты. Однако, точное определение хронологической и культурной принадлежности основано, безусловно, на анализе предметов, обнаруживаемых при раскопках некоторых «пустых» курганов, в том числе и относящихся к периоду раннего средневековья (Илюшин А.М., 1990; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117).

Рассматривая традицию сооружения кенотафов носителями тюркской культуры, необходимо остановиться на их соотношении с отдельными захоронениями лошадей. Указанные объекты нередко путают, что объясняется неразработанностью дифференцирующих признаков (Савинов Д.Г., 1994, с. 151). При этом основные показатели, характерные для самостоятельных захоронений лошадей, обозначены специалистами. Прежде всего, это отсутствие сопроводительного инвентаря для человека (Нестеров С.П., 1990, с. 80) и места для его погребения (Кубарев Г.В., 2005, с. 20). На наш взгляд, можно выделить и некоторые другие признаки, отличающие кенотафы тюркской культуры от захоронений лошадей:

1) внутримогильное сооружение, отделявшее коня от места предполагаемого погребения человека (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.);

2) погребальная камера, предназначенная для помещения в нее умершего (сруб, каменный ящик);

3) наличие в могиле нескольких лошадей, причем полный комплект снаряжения (узда и седло со стремянами) находится нередко только на одном животном, остальные же, по определению В.А. Могильникова (1981, с. 34), являются заводными. В данном случае можно говорить о том, что лошади предназначались для конкретного человека, принадлежавшего, по всей видимости, к зажиточным слоям тюркского общества.

Важно обратить внимание на то, что носителями тюркской культуры отдельные захоронения лошадей совершались также в округлых и прямоугольных оградках (Могильников В.А., 1994; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1992, с. 90; Мамадаков Ю.Т., 1994; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997; Худяков Ю.С., 2001; и др.). Своеобразие обозначенных памятников определило появление различных объяснений их существования в период раннего средневековья (Могильников В.А., 1994, с. 112–113; Кубарев В.Д., 2001, с. 43; Худяков Ю.С. и др., 2001, с. 469). Наиболее вероятной представляется связь подобных объектов с захоронениями лошадей, совершавшихся носителями булан-кобинской культуры Горного Алтая (Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с. 85). При этом схожие традиции в культурах кочевников наблюдаются и в более раннее время (Илюшин А.М., 1995).

На сегодняшний день вопрос о назначении оградок остается дискуссионным. Многие исследователи признают, что подобные объекты могли быть связаны не только с реализацией поминальной практики (Могильников В.А., 1997, с. 225; Кубарев В.Д., 2001, с. 42; Кубарев Г.В., 2005, с. 13). В этой связи неоднократно высказывались предположения об использовании оградок для захоронений по обряду трупосожжения (Грязнов М.П., 1940, с. 20; Гумилев Л.Н., 1959, с. 112; Суразаков А.С., 1987, с. 41). Кроме того, рассматривается возможность отнесения некоторых объектов к кенотафам (Кубарев В.Д., 2001, с. 43–44). Представим дополнительные наблюдения в этом направлении.

Конструктивные особенности оградок раннего кызыл-ташского этапа (вт. п. V – п.п. VI вв. н.э.) тюркской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161), прежде всего, наличие каменного ящика и захоронения лошади, позволяют предполагать возможность их связи с «миниатюрными» кенотафами булан-кобинской культуры (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006, с. 210; Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с. 86).

Более детального рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Не исключено, что в ряде случаев они представ-

ляют собой единый комплекс. К примеру, подобная ситуация зафиксирована в ходе раскопок могильника Мендур-Соккон-I (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, рис.1, 2). В одной из смежных оградок исследовано захоронение лошади, а во второй – миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина (Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999, с. 142–144). Традиция помещения лошади и умершего в отдельные ямы под одной наземной конструкцией также фиксируется в материалах тюркской и сrostкинской культур (Комарова М.Н., 1973; Митько О.А., 1995, с. 14; Кондрашов А.В., 2004, с. 15).

Рассматривая вопрос о ритуальных сооружениях, необходимо обратить внимание на особенность, которая некоторым образом объединяет кенотафы, оградки тюркской культуры, а также «пустые» курганы. В данном случае речь идет о сравнительно частом обнаружении фрагментов доспеха при изучении обозначенных объектов. В то же время панцирные пластины и части кольчуги являются весьма редкой находкой в погребениях тюрков (Горбунов В.В., 2004, с. 96–97). К примеру, в Горном Алтае остатки защитного вооружения встречены лишь однажды при исследовании «элитного» кургана 11 на памятнике Балык-Соок-I (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003). Кроме единичной находки на поселении, все остальные фрагменты доспеха (9 случаев) обнаружены в кенотафах, оградках и «пустых» курганах (Горбунов В.В., 2004, с. 96). Схожая ситуация наблюдается и на сопредельных территориях (Грач А.Д., 1960, с. 129–139; Кызласов Л.Р., 1979, с. 122, 129–131; Загородний А.С., Григорьев Ф.П., 1998, с. 118–122). Подобная особенность в распространении предметов защитного вооружения на сегодняшний день не нашла своего объяснения. Вполне возможно, исключительная ценность и редкость фрагментов доспеха, не раз отмечавшаяся исследователями (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 130–131; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003, с. 70; и др.), связана с их символической значимостью.

Археологические памятники тюркской культуры демонстрируют высокий уровень социальной дифференциации в обществе кочевников. Она нашла отражение и в материалах кенотафов. К признакам, показывающим различный прижизненный статус предполагаемых погребенных, относятся такие элементы обряда, как количество лошадей, наличие зависимого захоронения человека, размеры наземных и внутримом-

гильных конструкций и т.д. Основным социодиагностирующим показателем является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Помимо достаточно редких предметов вооружения и воинского снаряжения (фрагменты доспеха, копья), в «пустых могилах» также фиксируются детали одежды и бытовые изделия, зачастую выделяющие кенотафы среди других памятников некрополя (Савинов Д.Г., 1987; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117; и др.). С другой стороны в ряде случаев при исследовании подобных объектов фиксируется весьма ограниченный набор вещей. В целом, обозначенные характеристики являются подтверждением того, что за умершим человеком, в честь которого сооружался кенотаф, и в период раннего средневековья сохранялись прижизненный социальный статус и имущественное положение (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 270).

Традиция сооружения кенотафов населением тюркской культуры существовала на протяжении довольно длительного промежутка времени. Общее количество таких сооружений без учета оградок составляет 18 объектов, т.е. чуть более 10% от всей совокупности учтенных погребений тюркской культуры на Алтае (170 погребений – 100%). Разногласия археологов в датировке некоторых объектов затрудняют интерпретацию этого показателя. В целом, большинство курганов относится к катандинскому (вт.п. VII – п.п. VIII вв. н.э.) и туэктинскому (вт.п. VII – п.п. IX вв. н.э.) этапам развития тюркской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161–162). По всей видимости, распространение кенотафов связано с частым ведением военных действий в Центральной Азии в периоды существования Второго Восточнотюркского и Уйгурского каганатов. Косвенно это подтверждается тем, что большинство объектов содержали сопроводительный инвентарь, предназначенный для мужчины-воина. Почти полное отсутствие кенотафов на ранних этапах тюркской культуры может объясняться наличием других традиций, в том числе связанных с сооружением оградок, «пустых» курганов и т.д.

Таким образом, проведенное исследование показало, что обычай сооружения кенотафов в горных районах Алтая существовал на протяжении разных этапов развития кочевых культур. Количество типов кенотафов зависело от определенной мировоззренческой системы, особенностей жизнедеятельности и социальной организации кочевников. В то же время, на протяжении скифо-сакского, хуннуско-сяньбийского и тюркского периодов наиболее распространенными и универсальными являлись «классический» и «поминальный» кенотафы. Кочевники Алтая, как и многие другие народы, сооружали кенотафы преимущественно в связи с гибелью человека в бою или в результате несчастного

случая, для душ тех умерших людей, которые уже захоронены вдали от родины или пропали без вести. Весь процесс сооружения кенотафа направлен, как и погребальный обряд, на преодоление оппозиции «жизнь-смерть» и создание благоприятных условий в загробном мире для души умершего человека.

Библиографический список

1. Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980. 335 с.
2. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.
3. Брыкина Г.А., Труниева Т.Н. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 76–81.
4. Вадецкая Э.Б. Мумии и куклы в погребальной обрядности Западной и Южной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 36–38.
5. Вадецкая Э.Б. К реконструкции древнего мировоззрения по таштыкским погребальным маскам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 116–118.
6. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.
7. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (памятники казылганской и сыын-чурекской культур) // Труды ТКАЭЭ. Л., 1970. Т. III, С. 7-79.
8. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Труды ТКАЭЭ. М. - Л., 1970. Т. II.
9. Васильев Ю.М. Мемориальные погребения (кенотафы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 39–42.
10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
11. Гомер. Поэмы. М., 1953. 519 с.
12. Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Вып. 12. Горно-Алтайск, 2004. С. 95–114.
13. Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960. Т. I. С. 73–150.
14. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
15. Грушин С.П. Причины появления кенотафов // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. II. С. 5–7.
16. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. Вып. 1. С. 17–21
17. Грязнов М.П. О кенотафах // Проблемы археологии и этнографии. Иркутск, 1982. С. 98–99.
18. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрк-тугю // СА, 1959, №1. С. 107–114.

19. Дашковский П.К. Оружие в погребальном обряде пазырыкской культуры Алтая // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул, 2005.
20. Дашковский П.К., Грушин С.П. Кенотафы пазырыкского времени Горного Алтая // *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока*. Улан-Удэ, 1998. С. 51–52.
21. Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул, 2005. С. 62–68.
22. Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл, 1980. С. 77–94.
23. Дьяконова В.П. Заметки о погребальном обряде «кокэльцев» // *Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова*. СПб., 2001. С. 183–186.
24. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // *Труды ГИМ*. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
25. Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // *Вопросы археологии Казахстана*. Вып. II. Алматы; М., 1998. С. 117–123.
26. Заднепровский Ю.А. Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1992. С. 73–100.
27. Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // *СА*. 1966. №3. С. 152–171.
28. Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // *Охрана и использование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1990. С. 117–119.
29. Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // *Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края*. Вып. V. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 122–125.
30. Илюшин А.М. Ритуал захоронения коней как этнографо-археологический источник // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Омск, 2003. С. 47–50.
31. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
32. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 638 с.
33. Кожанов С.Т. Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань // *Древние культуры Китая. Палеолит. Неолит и эпоха металла*. Новосибирск, 1985. С. 112–119.
34. Комарова М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 207–210.
35. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII – XII вв. н.э.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.

36. Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 136–148.
37. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
38. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.
39. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
40. Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 24–54.
41. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
42. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
43. Кубарев Г.В., Кубарев Д.В. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. №4. С. 64–82.
44. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с.
45. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 269 с.
46. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.173-191.
47. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 58–63.
48. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 115–129.
49. Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80–х годов XX века). СПб., 1996а. 200 с.
50. Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2005а. 24 с.
51. Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005б. Вып. 2. С. 35–51.
52. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
53. Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 84–90.
54. Митько О.А. Население территории Среднего Енисея в эпоху средневековья (VI – XVI вв.) (по данным погребальной обрядности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 23 с.

55. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 28–43. (Археология СССР).
56. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар–I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983а. С. 3–39.
57. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 40–71.
58. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.
59. Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.
60. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 187–234.
61. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура–I // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 103–109.
62. Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 83–84.
63. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48.
64. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
65. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 143 с.
66. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.
67. Обельченко О.В. Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С.171–175.
68. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001а. 336 с.
69. Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
70. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
71. Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 80–89.

72. Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 93–96.
73. Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 146–152.
74. Савинов Д.Г. Кокэльский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 200–223.
75. Семенов Вл.А. «Ритуальный двойник» в похоронном обряде кочевников Южной Сибири // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 135–142.
76. Серегин Н.Н. Кенотафы тюркской культуры Алтая // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2005. С. 62–64.
77. Серегин Н.Н. Некоторые особенности погребального ритуала кочевников тюркской культуры Южной Сибири // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Вып. 3. Барнаул, 2006а. С. 24–27.
78. Серегин Н.Н. Опыт классификации погребальных сооружений тюркской культуры Горного Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Т. II. Красноярск, 2006б. С. 59–62.
79. Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С.134–152.
80. Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (Описание, систематизация, анализ). Горно-Алтайск, 2003. 160 с.
81. Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон-I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 90.
82. Соенов В.И., Эбель А.В., Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.
83. Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.
84. Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 103–115.
85. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АС-ГЭ. 1966. №8. С. 39–60.
86. Сорокин С.С. Отчёт Южно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа о работах 1966 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной работам ГЭ за 1966 г. Л., 1967. С. 49–51.
87. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. Л., 1969а. Т. X. С. 208–236.

88. Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // УЗГАНИИИЯЛ. Барнаул, 1969б. Вып. 8. С. 71–88.
89. Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии Северной Азии. Кемерово, 1987. С. 39–41.
90. Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25–45.
91. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, Ч. I. С. 488–493.
92. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
93. Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 24–28.
94. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
95. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // Вестник археологи, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.
96. Трифионов Ю.И. Работы в Туве и Хакасии // АО 1974 года. М., 1975. С. 136–238.
97. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.И. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001. С. 465–470.
98. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Новые памятники древних тюрков на Тянь-Шане // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 89–90.
99. Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (к вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 69–80.
100. Шилов С.Н., Масложенко Д.Н. К вопросу о кенотафах в системе погребальной обрядности бронзового века // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 15–20.
101. Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 112–130.